

В.С. МАГУН,
кандидат психологических наук,
Институт социологии РАН

Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г.¹

Предмет и информационная база доклада

"Куда пойдет Россия" в немалой степени зависит от того, какие будущие цели выберут для себя ее молодые граждане, и какие пути достижения этих целей они наметят. Обе эти психологические струк-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17561).

туры являются важными внутренними предпосылками активности и социальной мобильности и в то же время наиболее чуткими индикаторами фундаментальных перемен, происшедших и происходящих в российском обществе в течение последнего десятилетия.

Проследить динамику этих субъективных феноменов мы смогли благодаря серии исследований, начатых в середине 80-х годов.

Первый шаг был сделан осенью 1985 г., когда в Киеве был предпринят выборочный опрос учащихся выпускных классов средних общеобразовательных школ. Замысел анкеты, разработанной совместно с Е.И.Головахой¹, состоял в том, чтобы рассмотреть *притязания* учащихся, до тех пор исследовавшиеся только с помощью лабораторных моделей, на материале реальных жизненных показателей.

Термином "притязания" обычно подчеркивается, что речь идет о целях, самостоятельно устанавливаемых человеком для себя, в отличие от тех целей, которые он(она) вынужден(а) принимать и преследовать под давлением обстоятельств. В ситуации свободного выбора человек выбирает цели, воплощающие желаемые им стандарты удовлетворения потребностей, и для их характеристики принято использовать понятие *уровня притязаний*. Уровень притязаний у человека обычно колеблется в определенном диапазоне². Учитывая это обстоятельство, мы намеренно сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании респондентов цели, лежащие ближе к *нижней* границе указанного диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он счел бы *достаточным* для себя. Данные притязания, по-видимому, более реалистичны и, главное, человек тверже их отстаивает, активнее борется за их воплощение в жизнь, чем за осуществление своих более завышенных устремлений.

Предметом нашего изучения были притязания, относящиеся к различным компонентам будущего социального положения (социального статуса) учащихся. Как известно, в социологии выделяются три основных компонента социального статуса человека — власть, престиж и богатство. Эти три параметра и стали предметом тех притязаний, которые фиксировались у юношей и девушек.

Мы отдаем себе отчет в том, что некоторые цели, о которых сообщали респонденты, не являются у них достаточно определенными; например, вряд ли все молодые люди сегодня точно знают,

---

¹ См. Головаха Е.И., Магун В.С. Теоретические и методические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под ред. В.Л.Оссовского. Киев, 1987; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. 1991. № 6.

² См. об этом Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний // Психология личности. Тексты. М., 1982; Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. Вып. 5. М., 1975.

какую должность они планируют занять, или какую дачу построить. Но для изучения уровня притязаний это обстоятельство не служит помехой, ибо в ситуации неопределенности человек порой даже более открыто выражает свои глубинные психологические свойства, чем в ситуациях полной ясности.

Свои притязания люди обычно соотносят со средствами их осуществления, формируя тем самым личные *стратегии и тактики*. Чтобы получить информацию о них, в анкету были включены *вопросы* об ожидаемой юношами и девушками помощи со стороны других людей, а также о готовности тратить собственные силы, преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных перед ними целей.

Второй шаг по пути изучения жизненных притязаний и стратегий их реализации был сделан в начале 90-х годов. В проведенных в этот период исследованиях использовался такой же базовый набор эмпирических индикаторов, как и в 1985 г. Но принципиально изменилась ситуация — за время, прошедшее с первого опроса, в России, Украине и в других странах бывшего Советского Союза произошли радикальные перемены.

На этот раз опрос проводился в двух столичных городах — Москве (конец 1990-го — начало 1991 г.) и Киеве (1992 г.). Сопоставления с 1985 г. позволили нам прийти к выводу о том, что притязания нового поколения учащихся резко повысились — произошла "революция возросших притязаний"; заметно изменилось и содержание жизненных стратегий¹.

В 1995 г. был предпринят *третий шаг* в анализе интересующих нас субъективных феноменов. На этот раз для исследования были выбраны как столичные, так и провинциальные города: Москва (столица с населением 8,8 млн человек), Орел (областной центр с населением 350 тыс.), Мценск (районный центр в Орловской области с населением 51 тыс.), Киев (столица с населением около 2,6 млн человек). Как и в предыдущие годы, в опросе участвовали учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ, т.е. таких, куда учащиеся первого класса поступают без специального отбора. Основные выводы из анализа материалов 1995 г. в сопоставлении с данными прошлых лет и составят содержание данного сообщения.

Уровень притязаний: революция продолжается

Новые материалы, касающиеся властных и потребительских притязаний, свидетельствуют *об устойчивости радикального повышения уровня притязаний молодежи, достигнутого к началу 90-х годов*; они также показывают, что *рост притязаний в первой*

¹ Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М., 1993.

половине 90-х годов продолжался. Кроме того, исследование 1995 г. продемонстрировало, что процесс роста притязаний затронул не только столицы, но и провинциальные города. Приведем некоторые иллюстрации этих закономерностей.

В табл. 1 отражены притязания молодых людей на будущий должностной статус, связанный с осуществлением власти над другими работниками. Здесь имеются различия в зависимости от пола учащихся: должностные притязания юношей несколько выше, и

Таблица 1

"Достаточная" должность (в % к числу опрошенных)

Города, годы	Рядовой работник	Руководитель небольшого коллектива (бригадир, руководитель группы и т п)	Руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении	Руководитель предприятия, учреждения	Руководитель более высоких звеньев управления
Юноши					
МОСКВА 1995 г. (N=100)	8	24	13	31	23
1990-1991 гг (N-189)	10	33	14	24	15
КИЕВ 1995 г. (N=103)	1	21	16	31	29
1992 г (N=76)	8	29	13	34	14
1985 г (N-284)	Ю	39	33	7	8
ОРЕЛ 1995 г. (N=100)	8	22	16	25	28
МЦЕНСК 1995 г. (N=81)	7	31	28	24	7
Девушки					
МОСКВА 1995 г. (N=100)	6	26	16	32	17
1990-1991 гг (N=197)	14	38	20	21	6
КИЕВ 1995 г. (N=100)	3	21	20	37	15
1992 г (N=129)	9	37	18	30	2
1985 г (N=341)	14	50	21	9	4
ОРЕЛ 1995 г. (N=108)	8	31	17	30	11
МЦЕНСК 1995 г. (N=105)	11	35	22	23	9

поэтому изменения этих притязаний во времени удобнее рассматривать по группам юношей и девушек в отдельности.

Структура 1985 г. имела два основных скопления ответов — учащиеся выбирали для себя позицию руководителя небольшого коллектива (40—50% голосов) или позицию руководителя промежуточного уровня — крупного подразделения на предприятии, в учреждении (20—30% голосов). К началу 90-х годов притязания заметно выросли и структура их изменилась — теперь позиция руководителя промежуточного уровня стала менее привлекательной для учащихся, и часть отданных за нее голосов переместилась к должности более высокого ранга. В итоге объектом притязаний стали две основные властные позиции — руководитель небольшого коллектива (бригадир, руководитель группы и т.п.) и руководитель предприятия, учреждения; первая из них находится на нижнем уровне внутриорганизационной управленческой иерархии, вторая — данную иерархию венчает.

Привлекательность этих же двух позиций характерна для всех городов, вошедших в выборку 1995 г. Но к 1995 г. властные притязания еще более повысились: если сравнить средние оценки, то и в Москве и в Киеве они заметно и статистически значимо выше по сравнению с началом 90-х годов. Данный рост выразился в том, что распространенным объектом притязаний стал статус "руководителей более высоких звеньев управления". К их числу принадлежат должности в разнообразных хозяйственных объединениях (ассоциациях, холдингах и т.п.), а также позиции в сфере государственного управления.

Процесс выхода притязаний на надорганизационный уровень затронул учащихся трех рассматриваемых городов (причем у юношей он выражен сильнее, чем у девушек), в четвертом (Мценске) пока сохраняется прежняя модель, характерная для столичных городов начала 90-х годов. Но судя по изменениям, которые за несколько лет произошли в притязаниях молодых москвичей и киевлян, можно ожидать, что и сознание жителей малого города будет, с некоторым запаздыванием, меняться в том же направлении.

Все притязания, касающиеся *уровня благосостояния*, на протяжении последних десяти лет тоже резко повысились — эта тенденция проявилась и в отношении величины "достаточного" заработка, и в отношении имущественных компонентов благосостояния. Покажем, для примера, как росли *"жилищные" притязания* молодежи.

В табл. 2 приводятся средние характеристики ответов респондентов на вопрос: "Какие жилищные условия они считают достаточными для своей будущей семьи?" При этом надо было указать число комнат в квартире или в доме и ожидаемый размер будущей семьи, для которой эти комнаты предназначены. Конечно, спрашивая о числе комнат, мы получали лишь самое грубое представление об уровне

**Ожидаемый размер семьи и "достаточное"
число комнат в основном жилище**

Годы, города	Ожидаемый размер семьи (число членов)		"Достаточное" число комнат	
	Средняя величина	Ошибка средней (0,05)	Средняя величина	Ошибка средней (0,05)
1995 г				
<i>Юноши</i>				
МОСКВА (N=100)	3,7	0,08	4,4	0,18
КИЕВ (N=103)	3,9	0,07	5,2	0,26
ОРЕЛ (N=100)	4,0	0,08	5,5	0,27
МЦЕНСК(N=81)	3,9	0,16	5,6	0,40
<i>Девушки</i>				
МОСКВА (N=100)	3,8	0,07	4,9	0,21
КИЕВ(N=100)	3,9	0,08	5,1	0,18
ОРЕЛ(N=100)	3,9	0,07	5,3	0,19
МЦЕНСК(N=105)	3,8	0,07	4,7	0,18
1990-1991 гг				
<i>Юноши</i>				
МОСКВА (N=189)	3,9	0,06	4,2	0,11
<i>Девушки</i>				
МОСКВА (N=197)	3,9	0,06	4,1	0,09
1985 г				
<i>Юноши и девушки</i>				
КИЕВ (N=625)	около 4,0		около 3,2	-

"жилищных притязаний молодежи, но тем не менее этот простой индикатор оказался достаточно информативным и чувствительным. Как видно из табл. 2, во всех рассматриваемых группах в 1995 г. ожидаемое число членов семьи, в среднем, приблизительно равно четырем. Что же касается достаточного числа комнат, то оно во всех группах, кроме юношей-москвичей, приблизительно равно пяти (а у юношей Мценска даже ближе к шести). Таким образом, притязания на жилище чаще всего, по-видимому, формируются сегодня по принципу "*число комнат равно числу членов семьи плюс одна*". Рассуждения, стоящие за этим принципом, могут быть различными: комната для каждого члена семьи плюс общая семейная комната, или комната для каждого плюс комната для гостей и т.п. Важнее другое — нынешнее соотношение резко отличается от того, что было еще совсем недавно, в начале 90-х годов. Судя по результатам предыдущей серии исследований, тогда соответствующий принцип был иным: *достаточное число комнат было эквивалентно в выска-*

званиях респондентов числу членов будущей семьи (четыре комнаты соответственно на четырех членов семьи).

А за 5—7 лет до этого, в середине 80-х годов соотношение числа комнат и числа членов семьи в притязаниях учащихся носило еще более скромный характер: *достаточное число комнат, в среднем, равнялось числу членов будущей семьи, уменьшенному на единицу*. Таким образом, притязания юношей и девушек подверглись за последнее десятилетие поистине революционным изменениям — каждый пятилетний срок прибавлял к ним, примерно, по комнате.

В 1995 г. все же имеются различия между запросами молодежи, проживающей в разных городах. Наибольших значений достигают притязания у юношей Орла и Мценска, а наименьших — у юношей Москвы. Это, скорее всего, связано с гораздо более высокими ценами на жилье в Москве по сравнению с провинциальными городами. Таким образом, задумываясь и высказываясь о достаточном размере жилья, наши респонденты стараются трезво соотнести свои притязания с реальными возможностями, вследствие чего и формируются отмеченные выше межгородские различия.

Как уже говорилось, статистически значимые отличия по данному показателю имеются только между юношами. И это выглядит вполне естественно в свете полученных нами дополнительных данных о распределении ответственности за приобретение жилья: девушки ждут помощи в решении "квартирного вопроса", в основном, со стороны будущих мужей, и юноши, судя по всему, эту ответственность на себя готовы принять. Но раз так, то тогда именно юношам приходится в большей мере учитывать в своих притязаниях реальные трудности приобретения жилья.

Говоря о *причинах и последствиях* описанных выше сдвигов в уровне притязаний молодежи, прежде всего отметим, что они тесно связаны с глубокими изменениями, происшедшими за последнее десятилетие в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. На уровень притязаний большое влияние оказало снятие барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Благодаря этому российским и украинским гражданам открылось и стало для них референтным новое (западное) пространство с более высокими стандартами уровня жизни. Эти новые стандарты стали активно проникать и на территорию бывшего Советского Союза, формируя облик новых референтных групп уже *внутри* постсоветского пространства. Все это и привело к описанным выше сдвигам уровня потребительских притязаний¹.

¹ Для иллюстрации этих новых потребительских реальностей достаточно перечислить хотя бы несколько новых слов, вошедших в наш повседневный словарь в последние годы: йогурт, доллар, евроремонт, виза, "Вольво" и др.

Рост *властных* притязаний, в свою очередь, отражает реальное увеличение возможностей для занятия руководящих должностей, повышение социальной мобильности, общую динамизацию российского и украинского общества в последнее десятилетие. Во взлете властных притязаний проявилось также и "растормаживание", снятие социальных запретов с прежде задавленных потребностей человека во власти, в принятии экономических и политических решений. Все это — явные и неоспоримые результаты процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходящих в бывшем Советском Союзе с 1985 г. и повлиявших на процесс социализации юношей и девушек, опрошенных в 90-х годах.

Скорее всего, рост притязаний, наиболее ярко проявившийся у молодежи, затронул и представителей других поколений. Кроме того, описанные выше сдвиги проявляются не только в *межпоколенной* динамике, но и в процессах *индивидуального* развития представителей одного и того же поколения.

Взросшие притязания могут стимулировать людей к конструктивной деятельности и в этом смысле являются необходимой предпосылкой для достижения в будущем высокого социального положения и нового качества жизни. Но в то же время возросшие ожидания повышают риск разочарований и фрустраций¹, что на наш взгляд, частично объясняет наблюдающуюся сегодня неудовлетворенность населения уровнем и качеством жизни. Никто, конечно, не оспаривает фактов реального снижения уровня жизни значительных групп людей, но даже в тех случаях, когда жизнь становится лучше, в сравнении с возросшими притязаниями она субъективно оценивается как этим притязаниям не удовлетворяющая².

Жизненные стратегии:

"посевернее-повосточнее"? — нет, западнее

Юноши и девушки строят свои жизненные стратегии, планируя использовать *и свои собственные ресурсы, и помощь со стороны*

---

¹ Подобное развитие событий может обернуться не только личной, но и социальной драмой: в специальном исследовании политической нестабильности в 84 странах мира было установлено, что общественным беспорядкам обычно предшествовали процессы быстрой модернизации и связанный с ними рост материальных притязаний. См: *Feierabend I., Feierabend R. Conflict, crisis, and collision: A study of international stability // Psychology Today*. 1968. May. P. 26—32, 69—70; *Idem. Systemic conditions of political aggression- An application of frustration-aggression theory // Anger, violence, and politics- Theories and research*. Englewood Cliffs / Eds. LK.Feierabend, RL.Feierabend, T.R.Gurt. N.Y., 1972. Цит. по: *Myers D. Social Psychology*. 3d ed. NY., 1990.

~ Примечательны факты, приведенные в докладе Е.И.Головахи на нашем симпозиуме. Сравнивая 90-е и 80-е годы, автор демонстрирует явное улучшение обеспеченности населения Украины имуществом и коммунальными услугами, которое не нашло отражения в соответствующих оценках субъективной удовлетворенности. — См. доклад Е.И.Головахи в настоящем сборнике, а также его неопубликованный текст "Иллюзия "всеобщего обнищания" и нищета антилиберальных иллюзий в Украине".

окружающих. Более заметные сдвиги произошли в готовности молодых людей к собственным усилиям и жертвам, эти аспекты их жизненных стратегий мы и рассмотрим подробно¹.

При знакомстве со средними показателями прежде всего стало ясно, что между учащимися разных городов различия в ответах очень малы. Полученные в 1995 г. ответы, зависят, прежде всего, от вида предложенных трудностей и жертв. *Минимальная готовность к преодолению трудностей* выражается учащимися в тех случаях, когда им предлагают работать в условиях, вредных для здоровья, выполнять работу низкой квалификации, ниже их способностей и умений, выполнять работу, требующую частой перемены места жительства, частой разлуки с семьей, выполнять однообразную работу, трудиться в условиях сурового климата. Кроме того, девушки не согласны на физически тяжелую и на опасную работу. Во всех перечисленных случаях ответ "скорее нет" является наиболее частым, и средние показатели степени согласия не превышают 1,6 балла.

Но есть другая группа трудностей и жертв, на преодоление которых учащиеся выпускных классов, в основном, согласны, или в отношении которых занимают промежуточную позицию "трудно сказать". К *разряду наиболее приемлемых* относятся перспективы усердно учиться в "трудном" институте, выполнять работу с повышенной ответственностью, переучиваться и осваивать новую профессию, не заводить семью до достижения определенного уровня образования, материального и социального положения; кроме того, у юношей сюда добавляется готовность выполнять опасную работу и жертвовать ради работы свободным временем, а у девушек — согласие на интересную, но малооплачиваемую работу. Во всех перечисленных случаях средние показатели степени согласия равны или превышают 2 балла.

Нетрудно заметить, что *приемлемыми* для респондентов оказались, главным образом, те трудности, характер которых соответствует их общей ориентации на получение высшего образования (подобные притязания имеются почти у 90% опрошенных) и на приобретение профессиональной квалификации, пользующейся спросом на

---

¹ Чтобы оценить готовность молодых людей тратить свои собственные силы, терпеть лишения и преодолевать трудности, им была предложена серия вопросов о том, согласятся ли они ради осуществления своих планов в разных областях жизни совершать те *ИЛИ* иные действия: разлучаться с семьей, выполнять физически тяжелую, или вредную, или монотонную работу, работать в условиях сурового климата, жертвовать своим свободным временем, выполнять работу, связанную с опасностью для жизни, усердно учиться в "трудном" институте, переучиваться и осваивать новую профессию, выполнять работу низкой квалификации и др. На каждое из предложенных действий можно было согласиться или не согласиться, для чего предлагалось три варианта ответов: "скорее нет" (несогласие на трудности и жертвы, оцениваемое баллом "1"), "трудно сказать" (полусогласие-полунесогласие, оцениваемое баллом "2") и "скорее да" (согласие, оцениваемое баллом "3").

рынке труда. (Первые шаги по этому пути молодые люди уже сделали, поступив в старшие классы общеобразовательной школы.)

Действительно, молодые люди готовы преодолевать трудности дальнейшего учения и переобучения, не заводят семью, пока не завершится процесс их первичной профессиональной социализации (хорошо известно, что в профессиях, требующих высшего образования, этот процесс более длительный), выполнять работу, связанную с повышенной ответственностью (доля таких работ среди профессий с высшим образованием, естественно, более значительна).

Вместе с тем *неприемлемы* для учащихся такие категории жертв, которые связаны с примитивным содержанием и плохими условиями труда и не вписываются в представление о трудовой роли высокого профессионала. Согласие на эти жертвы, по-видимому, ассоциируется в сознании учащихся с обликом людей, не имеющих высокой и пользующейся спросом профессиональной квалификации. Например, предложение работать в условиях, вредных для здоровья, подразумевает как бы продажу своего здоровья в обмен на текущие материальные льготы и более ранний выход на пенсию. Наши же респонденты планируют *продавать на рынке рабочей силы прежде всего свою будущую высокую квалификацию*, а к собственному здоровью относятся как к одной из приоритетных ценностей.

Таким образом, отказ учащихся от некоторых из предложенных им жертв и лишений компенсируется в их сознании готовностью преодолевать другие трудности — те, что лежат в русле выбранного ими жизненного пути.

В данном контексте могут быть поняты и те *заметные изменения*, которые произошли в отношении молодежи к трудностям и жертвам на протяжении последнего десятилетия. С 1985 г. по начало 90-х годов *согласие учащихся на преодоление большинства трудностей и лишений заметно снизилось*. Это коснулось почти всего списка жертв, фигурировавшего в вопроснике 1985 г. и сохранившегося в анкетах начала 90-х годов: готовности работать во вредных условиях, расставаться с семьей и часто менять место жительства, выполнять физически тяжелую или опасную работу, трудиться в условиях сурового климата, работать с повышенной ответственностью. По большинству данных пунктов снижение готовности к преодолению трудностей продолжилось, как показывают данные 1995 г., и в последующий период.

Первоначально мы полагали (и это подтверждается эмпирическими данными), что снижение *собственной* активности связано с ростом у молодых людей ожиданий помощи и поддержки со стороны *окружающих*¹. Но теперь появилось и иное объяснение.

---

¹ См. Магун В.С., Литвинцева А.З. Указ. соч. С. 43—50.

Нам представляется, что большинство трудностей и жертв, о которых мы спрашивали у респондентов, были средствами достижения жизненного благополучия, типичными именно для эпохи "застоя" — не случайно перечень именно этих трудностей был включен в первоначальную анкету, готовившуюся еще на излете той эпохи. Но уже в конце 80-х годов ситуация начала меняться и общество стало все в большей степени вознаграждать некоторые виды квалифицированного профессионального труда, отказавшись от существовавших ранее "потолков" заработка и дохода¹. Таким образом, у молодых людей появилась возможность связать перспективу реализации своих очень высоких притязаний уже не с жертвами "экстенсивного" характера, присущими прежним временам, а с мобилизацией энергии и способностей на приобретение конкурентоспособной профессиональной квалификации. Здесь тоже нужна готовность к преодолению трудностей, которые являются неотъемлемой частью самой будущей профессии и касаются ядра профессиональной деятельности, а не ее периферии, того, *что* и *как* делать, а не погодных и климатических условий выполнения работы.

Данные рассуждения согласуются с тем, что по отдельным видам трудностей в последние годы наблюдался некоторый *рост* готовности к их преодолению: так, с начала 90-х годов по 1995 г. возросла готовность учиться в "трудном" институте (у москвичей и у девушек-киевлянок), возросла готовность отложить начало семейной жизни (в этих же группах), повысилась готовность жертвовать свободным временем (у юношей-москвичей). Эти новые тенденции позволяют менее односторонне оценить упомянутые выше факты снижения готовности молодых людей к самостоятельному преодолению трудностей и лишений: оно в какой-то мере компенсируется готовностью молодых людей трудиться ради получения конкурентоспособного профессионального образования и именно на этой основе утверждать себя на рынке труда, не нанося при этом урона общему качеству жизни — своей собственной и своей будущей семьей².

---

¹ Речь, конечно, идет об определенных, пользующихся большим спросом профессиях — таких как юрист, экономист, компьютерный специалист, менеджер, бизнесмен и т.п. Но это как раз те самые профессии, которые сегодня, в 1995 г., входят в число наиболее привлекательных для наших респондентов и для других групп молодежи (См.: *Дубин Б.В.* Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений // *Экономические и социальные перемены- мониторинг общественного мнения.* 1995. № 1. С 14—18; *Константиновский Д.Л.* Новое поколение выбирает... // *Огонек.* 1995. № 22. С. 48—49)

² Подобное переструктурирование в конце 80-х — начале 90-х годов представлений людей об активных средствах достижения успеха в жизни было на другом материале обнаружено Ю.А.Левадой (см.: *Левада Ю.А.* Векторы перемен' социокультурные координаты изменений // *Экономические и социальные перемены...* 1993 № 3. С. 5—9.

Подобная стратегия имела мало шансов в прежней экономической системе советского общества, где сам по себе квалифицированный труд, как правило, не гарантировал работнику высокого уровня благосостояния и где именно жертва условиями и содержанием труда была наиболее массовым способом повышения уровня благосостояния.

Изменения в сфере трудовых стратегий, так же как и радикальные сдвиги притязаний, трудно объяснить вне более общих модернизационных изменений советского общества после 1985 г.

В дореформенную эпоху деньги в Советском Союзе можно было заработать, главным образом, "на Севере" или "на Востоке", т.е. напряженно работая в неблагоприятных природных условиях. И в более широком смысле, "Север" и "Восток" страны представлялись тем пространством, где молодой человек мог испытать себя. Характерно название известного очерка С.Соловейчика, опубликованного в 1965 г. в "Комсомольской правде" и посвященного молодым людям, ищущим такое место, где каждый из них мог бы почувствовать себя "человеком, элементарным человеком" — очерк назывался "Посевернее, повосточнее"¹. Сегодня же мечты о благосостоянии связываются в сознании молодежи прежде всего с Западом, который ассоциируется как раз с наиболее благоприятными социально-экономическими и природными условиями, а также с достойными условиями труда для квалифицированных специалистов.

Часть молодых людей хотели бы жить и работать на Западе, переехав туда насовсем или для работы по временному соглашению. Но они согласились бы работать "как на Западе" и у себя на родине, где своеобразными "филиалами" "западных", "капиталистических", условий труда выступают иностранные, совместные и некоторые новые отечественные предприятия, достойно вознаграждающие квалификацию и ответственность своего персонала.

***

В заключение отметим, что полученные в ходе сопоставлений факты подтверждают серьезность перемен, происшедших в бывших советских обществах: их "величина" оказалась достаточной, чтобы повлиять на важнейшие компоненты внутреннего мира юношей и девушек. Эти факты также дают некоторое представление об особенностях новых поколений молодых людей, облик которых формировался в период модернизационных изменений конца 80-х — начала 90-х годов XX в., и менталитет которых довольно скоро станет определяющим для российского общества.

---

¹ Он перепечатан в кн: "Алый парус": Сост. И.Зююкин, С.Соловейчик. М, 1966. С. 22—28.